

УДК 577.1:1

О. А. Карканица, ассистент (БГТУ)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЕВГЕНИЧЕСКОЙ ИДЕИ ОПТИМЕНА В КОНЦЕПЦИЯХ БИОКОНСЕРВАТИЗМА И ТРАНСГУМАНИЗМА

В данной статье анализируются содержательные трансформации евгенической идеи оптимена в концепциях биоконсерватизма и трансгуманизма, ориентированных на решение проблемы сохранения биологических основ человека. Автор приходит к выводу, что возможность экспликации спекулятивных интерпретаций идеи оптимена свидетельствует о том, что коллективное самопонимание выстраивается в контексте технократических установок, обуславливающих перманентное воспроизводство тех проблем, которые пытается решить мировое сообщество. В частности, асимметрия в соотношении естественного и искусственного, являющаяся следствием атропотехнических проекций, не только не выступает источником беспокойства для сторонников трансгуманизма, но, более того, рассматривается ими как одна из важнейших предпосылок для пересмотра устоявшихся взглядов на природу человека.

This article analyses informative transformations of eugenic optiman's concepts in the ideas of bioconservatism and transhumanism, sensitized to the problem solving of the preservation of the individual's biological foundations. The author draws a conclusion that explication possibility of speculative interpretations of the optiman's concepts testifies that collective selfcomprehension is ranged in the context of technocratic orientation, causing the, permanent reproduction of the problems which world community tries to solve. In the particular the assymetry of natural and artificial ratios, doing the result of antropotechnical perspectives, doesn't act as a source of anxiety for transhumanists. They consider this assymetry to be one of the most important backgrounds for the istablished view reexamination of the human nature.

Введение. В современной научной и философской литературе одной из наиболее обсуждаемых проблем является проблема сохранения биологических основ человека, определяющая сущность антропологического кризиса второй половины XX в. Большинство авторов данная проблема рассматривается, как правило, в двух измерениях: в рамках модификации естественно-биологической природы человека и в аспекте мировоззренческих и нравственных трансформаций, инициированных попытками переосмысления ценности человеческой жизни в контексте тех возможностей, которые открываются наукой.

Возможности науки в настоящее время достигают таких горизонтов, по мере приближения к которым ее прогностический потенциал ограничен или выходит в область сциентистских утопий, где оказывается невозможным четко демаркировать реальные возможности и фантазии, желаемое и достижимое. В этом контексте евгеника выступила специфическим медиатором идеи (определяющей единство рациональных усилий и иррациональных ожиданий в виде мифологизированных представлений, от которых не свободно и сознание ученых) о возможности целенаправленного вмешательства в генетику человека и создания оптимена, или сверхчеловека.

Основная часть. Обращение к основным определениям евгеники позволяет раскрыть содержание идеи оптимена и эксплицировать

ее амбивалентный характер. Как наука о наследственном здоровье человека и путях его достижения евгеника ставит своей целью обеспечение адапто- и жизнеспособности организма (в смысле оптимизации данности). Как учение об улучшении человеческой породы она ориентирована на создание сверхчеловека, или усовершенствованного человека, которое имплицитно предполагает возможность преодоления природной данности. В силу того, что средствами простой селекции кардинально изменить природу человека невозможно, в классической евгенике оба эти смысла совмещаются. Концепт «оптимен» подразумевает попытку гармонизации человеческих задатков (существующей наследственности), а не замену природной данности чем-то иным. «Улучшенный» человек – это индивид, правильно, оптимально реализовавший свои задатки, и именно в этом отношении новый человек возвышается над «ставшим». «Контроль над эволюцией» в такой транскрипции предполагает сознательную работу многих поколений по созданию оптимена.

В контексте неоевгенических и «околоевгенических» проектов данные смыслы демаркированы: хотя основные технологии модификации человека непосредственно или опосредованно предполагают воздействие на его биологию, наследственное здоровье уже не связывают с собственно усовершенствованием. Идея оптимена начинает самостоятельную

жизнь: оптимен рассматривается как индивид, природа которого определяется не только и не столько естественными возможностями организма, препятствующими возникновению химер, сколько технологическими достижениями современной цивилизации, позволяющими преодолеть природные барьеры. Амбивалентный характер идеи оптимена соответствующим образом конституирует и поиск новых смыслов в представлениях о человеческой природе. Дискуссии по вопросу границ допустимого вмешательства в природу человека (в ее биологических, социальных и этических аспектах) и контроля над эволюцией сегодня разворачиваются уже не только между сторонниками и противниками евгеники как таковой, а в более широком научном и культурном контексте – в рамках дилеммы биоконсерватизма и трансгуманизма.

Если евгеники контекстуально сформировали установку на то, что воздействие на природу человека осуществимо лишь с учетом естественных возможностей этой природы, то трансгуманисты (С. Янг, Н. Бостром, Р. Курцвайль и др.), сохраняя перфекционистскую интенцию евгеники, доводят идею модификации антропологической природы до ее логического завершения. Осуществив пересмотр понятия «наследственность», сторонники этого нового культурного движения утверждают, что информация, в том числе и генетическая, может быть связана с любым материальным носителем (в частности, с «химерой» – результатом межвидового смешения или соединения искусственного и естественного). Выступая под гуманистическим лозунгом «все – человеку, и все – для человека», трансгуманисты отстаивают идею полной свободы в использовании новых технологий в целях совершенствования человеческого интеллекта, способностей к контролю эмоций, изменения генетических параметров и физических возможностей человека. Горизонт этих изменений определяется возможностью (или отсутствием таковой) репродуктивного «союза» с немодифицированными индивидами [1, с. 19].

Представители биоконсерватизма считают, что изменения, связанные с новыми технологиями, способны представлять угрозу целостности человеческого бытия. Трансформируя свою природу, человек, во-первых, дегуманизирует себя (дегуманизация является следствием превращения индивида в нечто большее, чем человек, или выступает результатом неправильного выбора – в пользу негативных с точки зрения морали качеств или действий), а во-

вторых, многократно повышает риск эволюционной ошибки [1, с. 23].

В решении вопроса о возможности и необходимости модификации человека едва ли не каждый из оппонентов (как трансгуманисты, так и биоконсерваторы) оперирует понятием гуманизма для обоснования этической правомерности амбивалентных по сути позиций, что свидетельствует о неоднозначности существующих представлений о человеке, человечности и ценности человеческой личности. Такой полисемантизм, хотя и не исключает возможность подмены понятий, вполне объясним на основе принципа историчности, позволяющего представить идею гуманизма в развитии.

Традиционно гуманизм светского толка, который возник в эпохи Возрождения и Нового времени, связывают с двумя видами воздействий, определяющих возможность модификации человеческой природы: индивидуальные усилия по самореализации и социальные мероприятия (воспитательные и другие традиционные практики), предполагающие своим результатом облагораживание человеческой природы. Осуществление данных видов воздействий априори не предполагало апелляцию к вопросу об изменении биологической основы. Усматривая достоинство человека в способности быть хозяином своей судьбы и творцом нового мира, родоначальники классического гуманизма устанавливали предел его возможностей, балансируя между божественным предопределением и личным волением. Человеческая воля, формирующая новую, светскую культуру, постепенно выстраивала оппозицию сакральному (иномирному), отвоевывая у него пространство для самореализации. Однако предел ее полномочий устанавливался принципом совести, трактуемой как «голос Бога внутри человека».

Для трансгуманизма улучшение человека (в предельном выражении – выход за пределы человеческого способа существования с помощью системы искусственного интеллекта) становится целью, достижение которой обеспечивается на основе новых технологий. Если отталкиваться от идеи С. Янга о том, что люди – это существа, наделенные волей к эволюции, то человеческое достоинство в рамках данного направления отождествляется со способностью к самотрансформации, в первую очередь, на биологическом уровне и оказывается практически не связанным с представлениями о самооценности человека и его природы [1, с. 20]. Определяя человека как *самоконструируемый проект*, обретающий благодаря научно-техническому

прогрессу контроль над собственной эволюцией, трансгуманисты обнаруживают некоторую преемственность своих концептов не только с идеями новоевропейского гуманизма, но и экзистенциализма. Однако наблюдаемая преемственность в известной степени иллюзорна, поскольку трансгуманизм выносит за скобки те идеи, которые определяют ценность человеческого существования в экзистенциалистской интерпретации: постгуманистическое усовершенствование человека фактически не затрагивает таких качеств, как любовь, симпатия, забота, оно понимается в сугубо рационалистических категориях, предполагая веру в разум, усовершенствованный с помощью компьютера [1, с. 23].

Оспаривая вслед за экзистенциалистами предзаданность антропологической природы и бытия, трансгуманисты впадают в противоречие: освобождая индивида от природной зависимости, они не принимают в расчет наличие другого, еще более жесткого ограничения – зависимости от развития технологий и доступа к ним. То, что ранее не требовало усилий и являлось естественной способностью человека, становится результатом направленных действий (в частности, способность к репродукции). Когда естественное замещается искусственным, речь идет о новых формах закрепощения, а не расширении диапазона свободы, новых формах контроля в сферах, где вполне уместна саморегуляция. Если бытие человека разворачивается в пространстве некой искусственно созданной и искусственно поддерживаемой информационной системы, а он сам идентифицируется в качестве «узла» системных сил и взаимодействий (в границах которой «снимается» его природная данность), если он и его действия изначально не обладают внутренней ценностью и самодостаточностью, если он не способен испытывать чувство собственной исключительности, то он утрачивает традиционные признаки «человечности».

В рассуждениях биоконсерваторов представления о достоинстве человека выводятся из естественного плана его бытия: достойно человека то, что отвечает его природе, позволяет ему оставаться человеком. Анализируя проблему постепенного замещения естественного искусственным, биоконсерваторы указывают на предельное ограничение, определяющее эффективность и конструктивность самотрансформации – устойчивости человеческого вида. Данное ограничение может быть отображено в содержании нового императива: порог манипуляций с человеческой природой устанавливается через принцип «то, что может

быть достигнуто естественным образом, собственными усилиями индивида, не следует стимулировать искусственно». Искусственное вмешательство, разрушающее способность естественной системы к саморегуляции, является недопустимым (поскольку представляет угрозу ее целостности). Поэтому асимметрия естественного и искусственного связывается биоконсерваторами с противоестественным порядком человеческого бытия, насилием над человеческой природой и, следовательно, ее дегуманизацией.

С этих позиций претензию трансгуманизма на создание оптимена (сверхчеловека) в целом следует представить не как рациональную цель, но как претенциозную спекуляцию, попытки реализации которой можно поставить на любую основу – будь то магические практики, алхимия или современные технологии, потому что пределы рациональности она покидает, как только подчиняется мечте о совершенстве, а не конкретным целям науки и только в узком диапазоне естественных констант.

Соответственно, понятие гуманизма обретает два возможных прочтения в зависимости от того, на основе какой предустановки формируется представление о ценности человека и возможной гармонизации его отношений с природой – на основе осмысления его единства с первой или второй природой.

Заключение. Возможность экспликации спекулятивных интерпретаций идеи оптимена в философском и научном дискурсе свидетельствует о том, что создавая проекты будущего, формируя новое самопонимание человека, мы, по сути, до сих пор остаемся в пределах того способа мышления, который задается нашей цивилизацией. Коллективное самопонимание выстраивается в контексте технократических установок, обуславливающих перманентное воспроизводство тех проблем, которые пытается решить мировое сообщество.

Асимметрия в соотношении естественного и искусственного, являющаяся следствием атропотехнических проекций, не только не выступает источником беспокойства для отдельных представителей научного сообщества (в первую очередь, сторонников трансгуманизма), но, более того, рассматривается ими как предпосылка для пересмотра устоявшихся взглядов на природу человека. С этих позиций, если реализация атропотехнической задачи обуславливает процесс выступления за границы уже существующей ценностной системы, в рамках которой оказывается невозможным определить моральные ориентиры деятельности человека и представления о человеческом достоинстве, необходимо отказаться от принципов этой системы или пере-

смотреть их. Следуя такой логике, развитие идей гуманизма можно представить как диалектический процесс, включающий три стадии:

1) классический гуманизм, основывающийся на принципе реализации данного от природы посредством системы воспитания и самовоспитания (в направлении осуществления некоего всеобщего социального идеала);

2) экзистенциальный гуманизм, акцентирующий значимость индивидуалистически осмысленного процесса самоконструирования (выстраивающий оппозицию автоматизирующему конформизму);

3) трансгуманизм, осуществляющий проект «расколдовывания» индивидуального на

пути выявления оснований человеческой природы, которые оказываются универсальными и не зависят от личного опыта индивида, приобретаемого в теле и телом.

Логика, позволяющая выстроить данную диалектическую триаду, способствует поддержанию сциентистского мифа и углубляет антропоцентрические заблуждения европейской цивилизации.

Литература

1. Летов, О. В. Человек и «сверхчеловек»: этические аспекты трансгуманизма / О. В. Летов // Человек. – 2009. – № 1. – С. 19–25.

Поступила 02.04.2010